

«Не пожалеешь?»

Линь И, услышав это, на мгновение задумался, а затем успокаивающе улыбнулся. Его главный герой оставался всё тем же: в начале пути он добр и самую малость закомплексован. Видимо, из-за того, что события пошли иначе, мальчик ещё не успел проникнуться к нему полным доверием — отсюда и отличия от оригинального сюжета.

В конце концов Линь И смирился. Как ни крути, он — не настоящий Тяньвай-чжэньжэнь.

Он крепче прижал к себе Сюаньюань Куня и негромко произнёс:

— Всё в порядке. Ты мне не противен.

Сюаньюань Кунь: «...»

Дело было вовсе не в «неприязни».

Не дождавшись ответа, Линь И решил, что мальчик согласен. Укрывая его в своих объятиях, он закрыл глаза и погрузился в раздумья. Нельзя вечно оставаться в таком плачевном положении, нужно искать выход.

Сюаньюань Кунь больше не сопротивлялся, но и не расслаблялся: он так и замер в руках Линь И, сжавшись в комок. Впрочем, для него это не имело большого значения.

Мелкий снег бесшумно оседал на ветви вечнозелёных деревьев, припорошивал плечи заклинателя. Линь И бережно прикрывал собой ребёнка, так что ледяные хлопья, способные вытянуть тепло из любого живого существа, не могли коснуться Куня.

Даже с закрытыми глазами Линь И чувствовал всё живое вокруг. Он ощущал Сюаньюань Куня: его тело было лишь хрупким сосудом, лишённым искры самосовершенствования. Ему требовалась энергия. Вода, еда, лекарства — эти мирские вещи могли облегчить его страдания.

— Ур-р-р... — тихий рокот в животе Куня нарушил лесную тишину.

Линь И моргнул и, спохватившись, заглянул мальчику в лицо:

— Ты сколько дней не ел?

— Я не обычный человек, — ответил Сюаньюань Кунь. — Даже если я не буду есть, я не умру с

голоду.

Линь И, разумеется, знал, что его герой — не «обычный человек». Но он также знал, что Кунь ещё не стал заклинателем и не достиг стадии Бигу, а значит, голод причинял ему боль.

Линь И не стал спорить. Уж лучше принести еды, чем читать нотации. Если бы у Куня была возможность поесть, он бы не стал изводить себя голодом.

Возвращаться в городок Фулай вместе с Кунем было нельзя. Ещё когда Линь И запечатал девять десятых своей духовной силы, он решил, что нынешний кризис должен разрешить кто-то другой. Слова Лю Чуньчжи о том, что «заклинатели боятся наживать врагов», могли оставить глубокий след в душе ребёнка и привести к разладу с соседями в будущем. Поэтому спасти его должны были чужие руки.

Линь И не ожидал, что всё закончится встречей с учениками горы Бутянь и этой нелепой ситуацией. Самым разумным было бы забрать Куня на гору — там ни в чём нет нужды.

Но там были и те, кого он сам когда-то расставил на доске судьбы как пешки.

Линь И вздохнул. Ребёнок в его руках был живым человеком, из плоти и крови. Каждый раз, видя его отрешённый взгляд и полное безразличие к собственной боли, он ощущал укол вины.

Он вдруг задался вопросом: зачем он вообще писал этот роман? Чтобы потешить себя страданиями героя или на радость публике? Он хотел, чтобы Кунь прошёл через тернии к трону, создавая драматичный сюжет.

Но то был лишь персонаж на бумаге.

А сейчас перед ним был живой человек. И он не мог заставить себя хладнокровно ввергнуть его в ту бездну бедствий, которую сам же и придумал. Одно дело — быть автором, создающим захватывающую историю, и совсем другое — быть палачом, губящим невинную душу.

Линь И не хотел вести Куня на гору Бутянь прямо сейчас. Если они вернутся, тот неизбежно встретит Лэн Вэйсян. В романе эта девица, не сумев попасть в ученицы к Тяньвай-чжэньжэню, решила подобраться к его последователю. Кунь тогда был слишком мал и наивен; Лэн Вэйсян хватило пары сладких слов, чтобы обманом заставить его обменяться памятными подарками и фактически обручиться. Позже она наставила ему рога. И хотя Кунь не страдал от любви, его репутации был нанесён удар.

В современном мире расставание — дело житейское, но здесь позор измены, будь ты хоть трижды бессмертным, будут поминать тебе до конца времён. Рога — они и в небесных чертогах рога!

Линь И опасался, что на горе он не сможет уследить за всем. Лучше сначала отправиться в странствие, дать Куню время окрепнуть, познать мир и освоить магические искусства.

Пока Линь И предавался раздумьям, Сюаньюань Кунь, хоть и был слаб, не спал. Он поднял голову и устремил взор вдаль.

Там, скрытая в вечном тумане, возвышалась недостижимая вершина. Всё как прежде. Никаких перемен — знакомый до боли образ из памяти.

Бессмертная гора Бутянь. Священная обитель, предел мечтаний тысяч искателей бессмертия, пронзающая облака на пути к небесному дворцу.

Сколько Линь И размышлял, столько Кунь смотрел на эту гору. Место, куда все стремятся, далеко не для каждого оказывается благословенным.

Встреча, знакомство, воссоединение — всё это лишь узоры судьбы.

— Ты с горы Бутянь? — Сюаньюань Кунь шевельнулся. Старая поза стала совсем неудобной, тело затекло.

Линь И, вырванный из своих терзаний, решил не лгать мальчику, чтобы тот не волновался:

— Да.

Вспомнив свои слова в городке, он поспешил добавить:

— Про «демонического заклинателя» я наплёл, чтобы отвязались. Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Я приличный заклинатель, детей не ем.

Приличные заклинатели питаются «травой» да пилюлями — таково было первое впечатление Линь И об этом мире.

Сюаньюань Кунь: «...»

Он не сразу поспел за ходом мыслей Линь И. В этом мире даже демоны не едят детей, бог знает, что там себе вообразил этот человек.

Кунь отвёл взгляд от горы и посмотрел на Линь И с детским простодушием:

— И куда ты собираешься меня везти?

Этот вопрос попал в самую точку. Линь И и сам не знал, куда податься. Гора Бутянь — нельзя, Фулай — нельзя, а выбраться за пределы области не получается.

— Видишь ли... — Линь И замялся. Объяснять ребёнку все сложности было бесполезно, поэтому он выдумал оправдание: — Я хотел увести тебя отсюда, но барьер в этих местах оказался хлопотным делом. Я как раз ищу способ его преодолеть.

Заклинатель с горы Бутянь, не знающий, как снять собственный барьер, — это звучало как анекдот. Линь И лишь порадовался, что Кунь пока ничего не смыслит в магии.

— Ты ведь с горы Бутянь, почему же не умеешь его снимать?

Линь И ответил с обезоруживающей прямоотой:

— Забыл.

Сюаньюань Кунь нахмурился:

— Как же ты тогда решил меня увести?

Линь И признался честно:

— Кровь в голову ударила. Молодость, порывы...

Он окончательно отказался от мысли изображать из себя великого наставника. Лучше признать свои слабости сейчас, чем ломать комедию перед ребёнком. У него есть сила, но нет вековых знаний и опыта того персонажа, в чьём теле он оказался. Он просто не способен никого учить.

Линь И рассудил, что ученики горы Бутянь, закончив дела, не задержатся в городке. К вечеру, когда в домах зажгутся огни и люди сядут ужинать, суматоха утихнет.

— Тебе нужно поесть. Я отлучусь ненадолго, а ты...

Договорить он не успел: Кунь уронил голову ему на плечо и снова потерял сознание.

«Неужели я его до инфаркта довёл своими бреднями?» — промелькнуло в голове у Линь И.

— Эх... — Линь И вздохнул. Хрупкий герой, маленький и жалкий.

Он осторожно уложил мальчика на мягкую подстилку, созданную магией, и возвёл вокруг него простой защитный барьер. Оберегать этого сорванца было даже интересно.

Посмотрев на небо, Линь И окончательно решил: он тайно вернётся на гору, найдёт в архивах свитки о строении барьера, а заодно купит еды в затихшем городке. Магией можно создать многое, но не полноценный обед, а пилюли Кунь сейчас просто не переварит.

Когда солнце коснулось горизонта и небо окрасилось в закатные тона, Линь И поднялся. Он ещё раз посмотрел на спящего мальчика. Барьер был надёжен, но тревога не отпускала. Понимая, что тело Куня почти на пределе, он мягко влил в него частицу своей духовной энергии. Это не должно было навредить, но поддержит сердце и каналы.

Лишь после этого он применил технику перемещения и исчез, направляясь к горе Бутянь.

Городок Фулай

Легкий ветерок шелестел листвой, в воздухе ещё сохранилось дневное тепло. В обычные дни улицы городка в этот час были бы полны жизни: влюблённые гуляли под луной, старики заглядывали к соседям, а торговцы зазывали отведать ночных яств.

Но сегодня, едва взошла луна, улицы опустели. Лавки закрылись раньше срока, люди попрятались по домам.

Линь И быстро пробрался в архив, забрал нужные свитки и так же стремительно покинул гору, не попавшись на глаза семье Лэн. Сняв бамбуковую шляпу-мури и переодевшись в богатое серебристо-белое одеяние, он уверенной походкой шёл по улицам Фулая. Теперь его никто не узнавал. Прохожие лишь украдкой поглядывали на него: он казался им благородным молодым господином, настолько красивым и статным, что на него было страшно смотреть дважды. Кто бы мог подумать, что этот мягко улыбающийся юноша и есть тот «ужасный демонический заклинатель», из-за которого все боятся нос на улицу высунуть.

Линь И накопил провизии — благо, магические артефакты для хранения вещей были крайне удобны. Он уже собирался возвращаться в лес, как вдруг, проходя мимо одной усадьбы, почувствовал колебание чужой ауры.

— Говори! Что ты ненавидишь больше всего? Зачем ты пошёл в Павильон Закаленных Звезд?!

Линь И узнал голос Лю Чуньчжи. Он не собирался подсматривать, но стоило ему сосредоточиться, как перед глазами сама собой возникла сцена.

Тот самый рослый мальчишка, Лю Чжэнхао, стоял, пряча за спиной покрасневшие от ударов

руки, и, захлёбываясь слезами, причитал:

— Чжэнхао... Чжэнхао ненавидит злодеев! Я хочу стать справедливым мечником, истреблять демонов и защищать... защищать матушку!

Лю Чуньчжи с розгой в руке была вне себя от ярости, её красивое лицо покраснелось.

— Кто такие злодеи? Отвечай!

— Те, кто обижает добрых людей... кто радуется чужому горю... — Лю Чжэнхао всхлипывал всё громче.

— А тот ребёнок?! Он просто хотел, чтобы его оставили в покое! Кому он навредил? Кого обидел? А ты?! Ты зачем туда полез?!

— Я... я не... — мальчик совсем запутался от страха и боли. — Матушка, я ошибся! Чжэнхао не будет злодеем!

Лю Чуньчжи было и горько, и гневно. Её жизнь не должна была стать такой. Когда-то она была кроткой барышней из благородной семьи, но её опозорил демонический заклинатель. Семья выставила её за порог.

В те тяжкие дни она хотела свести счёты с жизнью, но, узнав о беременности, обрела новую цель. Поначалу она ненавидела плод в своём чреве, мечтала родить его лишь для того, чтобы собственноручно убить «отродье демонического заклинателя».

Но когда она перебралась в Фулай и родила сына, её сердце смягчилось. Она назвала его Чжэнхао — «Праведное Величие», в надежде, что он вырастет честным и благородным человеком.

И вот теперь...

— Какой же ты «выдающийся», Лю Чжэнхао! Только и умеешь, что слабых обижать. Не пойдёшь ты ни в какой Павильон Закаленных Звезд. Я отправлю тебя в Зеркало скорби! Убей свою мать прямо сейчас, пусть твой отец-демон порадуется, какой сын на него похож! — выкрикивала Лю Чуньчжи, но голос её дрогнул. Обида и горе пересилили гнев, и она, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Как же та утончённая барышня превратилась в эту измученную женщину?

Лю Чжэнхао, увидев слёзы матери, забыл о своей обиде. Он никогда не видел её такой. Его собственный плач стал ещё горше. Он робко подошёл к ней, пытаясь вытереть её слёзы:

— Чжэнхао не станет плохим... Я стану сильным, я стану как отец... я буду защищать тебя...

Лю Чуньчжи оттолкнула его. Мальчик пошатнулся, но не отступил. Он поднял брошенную розгу и вложил ей в руку, изо всех сил стараясь сдержать всхлипы.

— Матушка, Чжэнхао виноват. Бейте... Если я снова встречу Сюаньюань Куня, я извинюсь перед ним. Матушка, прошу, не разочаровывайтесь во мне...

Линь И на улице Фулая прервал духовную связь. Он лишь тяжело вздохнул. В своё время, ради «драйва» и мести, он прописал в сюжете, как Кунь, пав в демоничество, вырезает множество праведников. Среди них был и Лю Чжэнхао из Павильона Закаленных Звезд — тот самый, что задирает героя в детстве. В романе Кунь убил его прежде, чем тот успел открыть рот, а когда другие ученики бросились на выручку, он просто пометил их как «приспешников зла» и позволил герою уничтожить их всех. Тогда это казалось справедливым и эффектным финалом.

Но теперь, столкнувшись с последствиями своих слов в реальности, автор не находил оправданий. Ему было не по себе.

Благородный господин, чей силуэт под луной казался сошедшим с картины, постоял в задумчивости, прислушиваясь к ночной тишине. Раздался лишь тихий вздох, и в следующее мгновение он исчез, словно морок. Прохожие протирали глаза, гадая, не привиделось ли им это видение.

Луна висела в небе, окружённая мириадами звёзд, но под сенью густого леса было темно. Исполинские духовные деревья смыкали кроны, преграждая путь лунному свету; лишь редкие лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле призрачные узоры.

На небольшой поляне, под защитой невидимого барьера, спал ребёнок. Накрытый лазурным халатом, в холодном сиянии луны он казался совсем прозрачным. Его лицо, и без того осунувшееся, сейчас выглядело мертвенно-бледным. Казалось, жизнь вот-вот покинет этот хрупкий сосуд, и, быть может, в этом уходе он обрёл бы избавление от мук.

Сюаньюань Кунь падал во тьму. Ему казалось, что он погружается в бесконечную бездну, скованный невыносимой усталостью. Он знал это чувство — так угасает жизнь, когда последние силы покидают тело.

Но он не мог умереть. Он никогда не был обычным смертным, и в его жилах текла иная кровь. Смерть была для него непозволительной роскошью.

Тьма отступила, сменившись ослепительным светом. Сюаньюань Кунь открыл глаза и обнаружил себя в месте, которое было ему знакомо до боли, но которое осталось в бесконечно

далёком прошлом.

Гора Бутянь.

Кунь смотрел на происходящее глазами стороннего наблюдателя, запертого в собственном теле. Перед ним, словно на оживших картинах, мелькали образы: Тяньвай-чжэньжэнь, Лэн Вэйсян, Бай Цзыжоу... И тот самый день, ставший кошмаром его прошлой жизни — день, когда он, ставший демоном, с боем прорвался в зал Чанъань.

Всё это — плод воображения Линь И, ставший реальностью.

В прошлой жизни он достиг вершины Дао. На таком уровне прорицания уже не снятся обычные сны — только предзнаменования. Но теперь, когда его силы были развеяны, а тело — изнурено, тени прошлого, незванные и нестираемые, вновь явились из глубин подсознания.

Его прошлое. Его трагедия.

Перед залом Чанъань текли реки крови, громоздились горы тел. И лишь один человек стоял среди этого хаоса, безупречно чистый, словно не коснувшийся земли. Запах тлена и железа заполнил всё пространство, и лишь ледяное сияние меча Гуйци в руках этого человека было запятнано багрянцем. Капли крови медленно стекали по лезвию, отсчитывая мгновения.

Линь И. Его наставник. Его учитель. Истинный виновник всех его бед.

Учитель был спокоен. Его взгляд был устремлён на Куня, но в то же время — сквозь него, словно он ждал предначертанного конца, последнего акта этой пьесы. Заклятием Очищения от Пыли он стёр кровь с меча и направил остриё на Куня.

— Мой верный ученик, — прозвучал его голос, — чтобы убить тебя, нужен чистый клинок. Я не хочу, чтобы чужая кровь осквернила твою.

Да. Человек, который его вырастил, наставник, которого он считал своим единственным светом, собирался его уничтожить. Какая злая ирония.

Их разделяло всего несколько шагов, но в тот день Куню казалось, что между ними пролегла целая вечность, целый мир. Учитель смотрел на него, но Кунь видел в его глазах лишь холодный расчёт и бездонную жажду власти над небесными законами.

Хотя... на миг в этом взгляде промелькнуло нечто иное. Сострадание?

Кунь тогда решил, что ему померещилось. На мгновение показалось, что вернулся прежний учитель из далёкого детства, а этот, стоящий перед ним — лишь искусная подделка.

На самом деле он не собирался убивать своего учителя.

«Ах, Кунь, каким же ты был тогда глупцом», — горько подумал он в своём сне.

Демонический морок уже овладел его разумом, он больше не мог стать тем «беспристрастным и отрешённым» мудрецом, о котором твердил наставник. Он не знал, к чему приведут его слова. Этот мир всегда был для него либо чистилищем, либо адом — разницы он не видел. В тот день погас его последний луч надежды.

Наставник часто говорил ему: «Нет чувств — нет любви, нет любви — нет привязанности, нет привязанности — нет страха». Тогда Кунь думал, что путь бессмертия не для него. Он просто хотел остаться рядом с учителем, заботиться о нём.

Сверкнули клинки, столкнулись потоки духовной энергии, сотрясая небеса и землю. В пылу битвы меч Уци дважды почти коснулся сердца Куня, и он лишь усмехнулся. В жестокости он никогда не мог сравниться со своим учителем. Как бы он ни старался, он не мог нанести смертельный удар.

«Учитель, эту жизнь ты когда-то подобрал в грязи. Если она тебе нужна — забирай».

Кунь отдал ему сто лет своей жизни и всю свою силу. Счета были оплачены. Он не произнёс этого вслух, но это было единственное, что он осознал за пять веков.

Он больше не мог бежать от этого видения. Глядя на всё заново, он чувствовал лишь одно — насколько это было нелепо.

Клинок вошёл в плоть. На этот раз Кунь не стал уклоняться. Его приём «Возвращение к Единому», казавшийся сокрушительным, на деле был полон уязвимостей. Он ждал, что учитель прикончит его одним ударом. Но всё пошло не так.

Он не знал, что для великого Тяньвай-чжэньжэня этот день был днём Небесного Бедствия.

Тёмные тучи заволокли небо, и молнии ударили вниз. Человек перед ним не стал защищаться ни от меча, ни от небесного гнева. Он принял всё. Кунь почувствовал, как его клинок пронзил тело учителя, а затем вспышка молнии поглотила всё вокруг. Учитель успел лишь отступить назад, прежде чем его душа развеялась под ударом грома.

Но Кунь осознал ужасающую истину: наставник принял удар на себя, чтобы спасти его от кары небес!

Он исчез слишком быстро. Кунь не успел задать ни одного вопроса. В тот миг он почувствовал, что заперт в клетке, созданной самой судьбой, скован цепями предназначения.

Всё было лишено логики. Всё было полно изъянов. Все причины, казавшиеся когда-то весомыми, теперь выглядели жалкими и смехотворными.

События того дня со временем стерлись из памяти. Единственное слово, которым он мог описать свои муки — «абсурд».

Сон проносился перед глазами. Сцены сменялись мгновениями, и вот уже прошли тысячи лет.

Та роковая встреча стала для Куня неразрешимым узлом. Он вырвал из себя демоническое сердце, разрушил основы своей силы и начал путь заново, постигая законы Неба лишь для того, чтобы понять: что же это за «Путь», ради которого наставник отказался от всего, лишив себя чувств и привязанностей?

В бескрайнем потоке веков у него остался лишь этот единственный вопрос.

И вот, достигнув вершины мира, прозрев сквозь тщету бытия, он наконец получил ответ.

Жизнь Сюаньюань Куня была лишь иллюзией.

Трагичная, горькая, нелепая жизнь — просто декорация.

Он должен был погибнуть в водах озера у подножия горы Бутянь. Даже обладая зачатками силы, он не мог выжить там несколько дней и неминуемо бы утонул. Но человек по имени Линь И зачем-то вытащил его в этот мир, даровав ему это странное «новое рождение».

Люди приходили и уходили, всё было прахом и глечом — бесконечный цикл бедствий, ставший его реальностью. И всё это «предназначение» зависело лишь от прихоти человека по имени Линь И.

Этот Линь И управлял миром, ткал полотно его судьбы, решал, что он будет чувствовать и через что пройдёт. Он был его Богом.

Бог создал Учителя, Бог внушил ему законы этого мира, и Кунь, преисполненный трепета, безропотно следовал им. Бог хотел видеть его на троне — и он взошёл на трон. Бог заставил Учителя сказать, что путь к спасению лежит через бесстрашие — и Кунь стал бесстрашным.

Он обрёл Высший Путь. Он лишился чувств. Прошли миллионы лет, и в его душе не осталось ничего, кроме той старой загадки. Даже боль предательства, даже горечь той разлуки подёрнулись дымкой времени.

Во сне нет места долгой логике.

Он прошёл через тысячи миров, видел рассветы и закаты цивилизаций. Он познал мир, который Линь И создал для него.

И вот однажды Кунь снова предстал перед судом своего сердца. Почему Линь И выбрал именно его? Они никогда не встречались, и в памяти Куня не было ни единого воспоминания о случайном знакомстве. Линь И знал его, видел его насквозь, а Кунь был лишь марионеткой. Разве это справедливо?

Владыка небес и земли был бесстрастен. В нём не было ни милосердия, ни былой ненависти.

«Раз ты выбрал меня, теперь я выбираю тебя».

Если этот человек сам окажется в своей клетке, если его иллюзия станет его реальностью — захочет ли он снова обречь Куня на ту же скорбную участь?

Его дорогой учитель... нет, его Бог.

Добро или зло, истина или морок — он примет всё. Если судьба даёт шанс начать сначала, он хочет увидеть выбор этого человека.

И теперь Сюаньюань Кунь увидел его.

Тот человек был глуповат. Наивен. Но он не стал следовать по старому пути, не стал навязывать ему проклятую судьбу. Напротив, он старательно избегал всего, что могло причинить боль.

Кем же он был? Проявлением божественной милости? Искуплением? Или просто новой забавой капризного творца?

В день своего великого прозрения Сюаньюань Кунь долго смеялся, сжимая в руках меч Уци. Миллионы лет без чувств и привязанностей были смертельно скучны. Лишь эта загадка стоила того, чтобы ждать её решения.

Он пошёл против небесного закона, развеял свою силу — всё ради того дня, когда они встретятся вновь. Чтобы показать этому человеку его собственный призрачный плен.

И чтобы показать ему... себя.